



# ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

## О ДРЕВНИХ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

1

Изучение хозяйственно-культурных связей прибалтийских народов на разных этапах социально-экономического развития занимает видное место в новейших работах советских археологов, этнографов и лингвистов, особенно в специальных исследованиях, посвященных этногенезу этнической истории литовцев, латышей и эстонцев. Очень большое значение для разработки этих проблем имеют статьи Х. А. Моора, основанные главным образом на археологических данных, но отличающиеся вместе с тем широким привлечением лингвистических и этнографических материалов<sup>1</sup>. Из других археологических работ последних лет на большее внимание заслуживают в данном отношении некоторые исследования А. К. Вассара, Н. Н. Гуриной, П. З. Куликаускаса, А. З. Тартавичюса, М. Х. Шмидехельм, Э. Д. Шноре, Я. Яблонските-Римантен Л. Ю. Янтиса<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См. Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 29—37; ег же, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1951, стр. 49—141; ег же, О древней территории расселения балтийских племен, «Сов. археология», 1958, № 2, стр. 9—33; Х. А. и А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики, Настоящий номер журнала, стр. 21—51.

<sup>2</sup> А. К. Вассар, К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 187—211; Н. Н. Гурина, Валдайская неолитическая культура, «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 31—45; ег же, Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», I, М., 1955, стр. 76—110; ег же, Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 125—136; П. З. Куликаускас, Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и о племенных группах в I и начале II тысячелетия н. э. по данным археологии, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии нов. серия, т. XXIII, М., 1954, стр. 36—46; P. Kulikauskas, Seniausieji Kurši Neringos gyventojai (Древнейшие обитатели на Куршской косе; резюме на русск. яз. «Iš Lietuvių kultūros istorijos», II, Vilnius, 1959, стр. 72—85; А. З. Тартавичюс, Восточнолитовские курганы, «Труды Прибалтийской экспедиции», I, стр. 128—153; Э. Д. Шноре, Городища древних латгалов, там же, стр. 222—231; М. Х. Шмидехельм, Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии, там же, стр. 154—185; ег же, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии, Таллин, 1955; ег же, О племенах северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э., Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 172—186; Я. Яблонските-Римантен, О древнейших культурных областях на территории Литвы, «Сов. этнография»

Косвенную, но часто существенную роль в изучении хозяйственно-культурных связей могут играть также данные антропологии, поскольку распространение антропологических типов на какой-либо территории и смешение между ними не может происходить без расселения народов и взаимодействия их друг с другом. По этнической антропологии современного населения Советской Прибалтики работали в последнее время главным образом М. В. Витов и автор настоящей статьи, а по палеоантропологии — К. Ю. Марк и В. П. Якимов<sup>3</sup>. Большой интерес для проблем этнической истории народов Советской Прибалтики, а следовательно и для вопросов взаимодействия между ними, представляют антропологические материалы по соседним территориям. К таким материалам относятся, например, данные Е. В. Жирова и В. П. Якимова о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова на Онежском озере или В. В. Седова о черепках из курганов XI—XIII вв. Верхнего Поднепровья и северо-западных волостей древней Новгородской земли<sup>4</sup>.

Этнографические работы, содержащие конкретные данные о древних и более поздних хозяйственно-культурных связях народов Советской Прибалтики, очень многочисленны и перечислить даже важнейшие из них здесь нет никакой возможности. Значительный интерес представляют исследования литовских, латышских и эстонских ученых, а также сотрудников Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, опубликованные в «Материалах Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)»<sup>5</sup>, в «Балтийском этнографическом сборнике»<sup>6</sup>, в сборнике «Вопросы этнической истории эстонского народа»<sup>7</sup>, в двух книгах «Из истории культуры литовского народа», изданных на литовском языке (с резюме на русском) в Вильнюсе<sup>8</sup>, в первом томе Трудов Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции<sup>9</sup>. Наиболее многочисленны в этих сборниках данные по материальной культуре народов Советской Прибалтики, в первую очередь по сельскохозяйственным орудиям (П. В. Дундулене, И. А. Лейнасаре,

1955; № 3, стр. 3—19; е е же. Стоянки каменного века Эйгулай, «Труды Прибалтийской экспедиции», I, стр. 11—31; Л. Ю. Я н и т с, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 142—171; е го же, Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье реки Эмайыги, Таллин, 1959; L. J a a n i t s, Neolitiilised asulad Eesti NSV territooriumi (Неолитические поселения на территории Эстонской ССР: резюме на русск. яз.), Сб. «Muistsed asulad ja linnused» (Древние поселения и городища.) Таллин, 1955, стр. 176—201.

<sup>3</sup> М. В. В и т о в, Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской экспедиции», I, стр. 561—578; К. Ю. М а р к, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 219—242; Karin M a r k, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen in Ostbaltikum, Helsinki, 1958; Н. Н. Ч е б о к с а р о в, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 15—28; е го же, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 13—35; М. В. В и т о в, К. Ю. М а р к, Н. Н. Ч е б о к с а р о в, Этническая антропология Восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской экспедиции», II, М., 1959; В. П. Я к и м о в, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики, «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXII, М., 1956, стр. 268—297.

<sup>4</sup> Е. В. Ж и р о в, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», VI, 1940, стр. 53—55 (в дальнейшем цит. КСИИМК); В. П. Я к и м о в, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XIX, 1960, стр. 221—359; В. В. С е д о в, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XV, 1952, стр. 72—79; е го же, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 12—18.

<sup>5</sup> Труды Института этнографии, нов. серия, т. XXIII, М., 1954.

<sup>6</sup> Труды Института этнографии, нов. серия, т. XXXII, М., 1956.

<sup>7</sup> Академия наук Эстонской ССР, Институт истории, Таллин, 1956.

<sup>8</sup> «Iš Lietuvių kultūros istorijos», Vilnius, I, 1958; II, 1959

<sup>9</sup> М., 1959.

Л. Х. Кивисаар-Феоктистова), по жилищам и другим постройкам (И. Букявичюс, В. С. Жиленас, А. К. Крастыня, Л. Н. Терентьева, Т. М. Хабихт-Паэвере, К. К. Чербуленас, Н. В. Шлыгина), по одежде (А. А. Вольмаа, А. Э. Зариня, М. К. Слава, Л. Б. Треес), по пище и увари (В. Милус). Особо следует отметить исследования А. Х. Моора, специально посвященные эстоно-русским культурно-хозяйственным связям<sup>10</sup>. Заслуживают упоминания, наконец, статьи Х. Т. Тампере, в которых вопросы культурных связей между народами Прибалтики рассматриваются в свете фольклорных материалов<sup>11</sup>.

Среди многочисленных работ, посвященных изучению языков народов Советской Прибалтики, только очень немногие представляют существенный интерес для вопроса о хозяйственно-культурных связях этих народов. В первую очередь здесь должны быть названы, конечно, исследования П. А. Аристэ по истории прибалтийско-финских языков. Главные результаты этих исследований, основанные на широком и смелом сопоставлении лингвистических данных с археологическими, историко-этнографическими и даже антропологическими материалами сведены в статье 1956 г. «Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их истории»<sup>12</sup>. Большой интерес представляют также работы А. Х. Каска и М. Муст по истории эстонских диалектов<sup>13</sup>.

Обширные археологические и антропологические, отчасти также историко-этнографические и лингвистические материалы, содержащиеся в перечисленных работах,— особенно при сопоставлении их с фактическими данными прежних исследователей,— дают возможность наметить главные направления хозяйственно-культурных связей народов Восточной Прибалтики в ранние периоды их этнической истории (до XIII в. н. э.), а также высказать некоторые соображения о характере этих связей. Такова задача, которую ставит перед собой — конечно, только «в первом приближении» — автор настоящей статьи.

## 2

Древнейшие хозяйственно-культурные связи населения прослеживаются в пределах современной Советской Прибалтики (как, впрочем, и везде) главным образом на основании археологических данных. Новейшие работы советских археологов позволяют предполагать, что первоначальное заселение этой части Восточной Европы происходило в период мезолита (VIII—V тысячелетия до н. э.), прежде всего с юга — с территории нынешней северной Польши и, возможно, Белоруссии. В начале указанного периода значительная часть Литвы вместе с соседними районами теперешней Калининградской области уже входила в состав особой хозяйственно-культурной общности, которая характеризуется памятниками так называемого свидерского типа, сосредоточенными в

<sup>10</sup> А. Х. Моора, Эстоно-русские отношения в XVIII—XIX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 45—54; ее же. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 138—161; ее же, Об историко-этнографических областях Эстонии, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 243—292. См. также упомянутую в прим. 1 совместную статью Х. А. и А. Х. Моора (настоящий номер журнала, стр. 21—51).

<sup>11</sup> Х. Т. Тампере, Русские влияния на развитие эстонской народно-песенной мелодии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 96—102; ее же. Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 293—318.

<sup>12</sup> Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 5—27. См. также рецензию на этот сборник в настоящем номере журнала, стр. 180—182.

<sup>13</sup> А. Х. Каск, К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов, Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», стр. 28—48; М. Муст, Отражение русско-эстонских отношений в лексике южноэстонских диалектов (автореферат диссертации), Таллин, 1954.

массе на территории Польши. В Литве изделия этого типа — скребки и другие орудия из ножевидных пластин правильных геометрических форм — встречаются главным образом в юго-восточных районах, а также около Каунаса и на Куршской косе<sup>14</sup>. Орудия, очень сходные со свидерскими, обнаружены и на недавно открытых мезолитических стоянках в Гродненской и Витебской областях Белорусской ССР, на берегах оз. Свитезь и Западной Двины<sup>15</sup>.

Стоянки эти, как и все другие памятники свидерской культуры, принадлежали немногочисленным группам кочевых или полукочевых охотников и рыболовов. Об их этнической принадлежности, конечно, ничего не известно, можно только предполагать, что по своему происхождению они были связаны с позднепалеолитическим населением западных областей Восточной Европы, говорившим, возможно, на исчезнувших позднее языках, которые иногда называют условно «палеоевропейскими»<sup>16</sup>. Антропологические данные о населении периода мезолита на территории Литвы и Белоруссии крайне скудны. Относящиеся к этому времени черепа из Кирсны на юге и из Кебеля на западе Литовской ССР принадлежат к длинноголовому европеоидному типу<sup>17</sup>. Это подкрепляет гипотезу о первоначальном заселении Восточной Прибалтики с юга и о связи ее древнейших охотничье-рыболовческих коллективов с такими же в хозяйственно-культурном отношении коллективами соседних районов Польши и Белоруссии.

Кроме свидерских памятников, сосредоточенных в пределах Восточной Прибалтики только на крайнем юге, здесь во многих местах встречаются другие — по-видимому, несколько более поздние — мезолитические памятники, характеризующиеся преимущественно костяным и роговым инвентарем, а также орудиями крупных размеров из кристаллических каменных пород. Памятники эти лучше всего изучены в Эстонии, где к ним относится, прежде всего, известная торфяниковая стоянка Кунда; обнаружены они, однако, и в Латвии, Литве и Калининградской области<sup>18</sup>. Очень сходны с ними также мезолитические местонахождения типа Суомусъярви в южной и западной Финляндии<sup>19</sup>. Ареалы свидерской и кундаской культур, таким образом, непосредственно соприкасаются, а частично и перекрывают друг друга. Это дало основание некоторым исследователям высказать мысль о развитии второй из названных культур на базе первой, и, следовательно, о южном происхождении племен, оставивших памятник типа Кунда — Суомусъярви<sup>20</sup>.

По вопросу о происхождении культуры Кунда существуют, однако, и другие взгляды. Так, А. Я. Брюсов, основываясь на большом сходстве инвентаря этой культуры с изделиями, найденными в Шигирском торфянике на Урале, выдвинул гипотезу о заселении с востока в период мезолита всей лесной полосы северо-восточной Европы вплоть до Балтийского моря на западе<sup>21</sup>. Косвенным подтверждением этой точки зре-

<sup>14</sup> П. З. Куликаускас, Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы..., стр. 37; его же, Древнейшие обитатели на Куршской косе..., стр. 345; Р. Яблонските-Римантене, О древнейших культурных областях на территории Литвы, стр. 3—4; ее же, Стоянки каменного века Эйгуляй, стр. 18—19.

<sup>15</sup> Н. Н. Гурина, Новые мезолитические памятники..., стр. 126 сл.

<sup>16</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 154—155.

<sup>17</sup> Там же, стр. 146.

<sup>18</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 57—58; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 143—144.

<sup>19</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 142—143; А. Аугрāģā, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland, «Acta Archaeologica», XXI, 1950, стр. 1—43.

<sup>20</sup> С.м., например: В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики, стр. 268 сл.

<sup>21</sup> А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 25 сл.

ния, по мнению К. Ю. Марк и автора настоящей статьи, может служить наличие монголоидных особенностей у некоторых черепов из юго-западной Прибалтики, датируемых мезолитическим временем (Плау в Мекленбурге, Притцерберское озеро в Бранденбурге)<sup>22</sup>. Еще яснее монголоидные черты выражены на отдельных раннеолитических черепках самой Восточной Прибалтики, например на черепе из Валма в Эстонии<sup>23</sup>. Очевидно, что монголоидные элементы могли проникнуть к берегам Балтики только с востока, скорее всего из Приуралья или Зауралья, где они констатируются, например, среди черепов, связанных с Шигирской культурой<sup>24</sup>.

Гипотеза А. Я. Брюсова, по мнению многих советских археологов, нуждается в известных уточнениях. Л. Ю. Янитс, например, прямо указывает, что в том виде, как она была первоначально выдвинута, гипотеза эта не имеет под собой достаточных оснований, так как пока не доказано, что находки шигирского типа на Урале более раннего происхождения, чем древнейшие археологические памятники Восточной Прибалтики. В то же время Л. Ю. Янитс — на наш взгляд вполне справедливо — подчеркивает, что «общие черты, наблюдаемые в мезолитических материалах западной части лесной полосы и Урала, прежде всего указывают, по-видимому, на то, что общение между древнейшими обитателями отдельных частей лесной полосы началось очень рано»<sup>25</sup>. Вполне возможно, что уже в период мезолита на севере Восточной Европы происходили передвижения отдельных кочевых коллективов охотников и рыболовов в различных направлениях — как с востока на запад, так и с запада на восток. В процессе этих передвижений, сопровождавшихся несомненно, взаимодействием групп различного происхождения, складывался смешанный европеоидно-монголоидный состав населения лесной полосы, так ясно выступающий здесь в палеоантропологических материалах более позднего (неолитического) периода<sup>26</sup>.

На территории современной Советской Прибалтики в рассматриваемое время жили, по-видимому, две группы племен — «свидерская», существовавшая уже в VIII тысячелетии до н. э. и связанная по происхождению с населением более южных районов Восточной Европы, «кундаская», сложившаяся, вероятно, несколько позднее (в VII—VI тысячелетиях) в процессе продвижения тех же «свидерцев» на север и в результате взаимодействия с отдельными группами охотников и рыболовов, проникшими к берегам Балтийского моря с востока. Южные хозяйственно-культурные связи населения Прибалтики уже тогда переплетались со связями восточными. «Свидерские» племена в Прибалтике всегда оставались периферийными, тяготевшими к южным рубежам края; «кундаские», напротив, распространились по всей его территории от нынешней Калининградской области до Эстонии. Из северной Эстонии через Финский залив или в обход его с востока они заселили, вероятно, и Финля

<sup>22</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 1. Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, «Уч. записки МГУ», вып. 63, 1941.

<sup>23</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 1. Karin Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen..., стр. 7—22.

<sup>24</sup> Г. Ф. Дебеч, К палеоантропологии Урала, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XVIII, 1953. Некоторые антропологи, в особенности В. П. Якимов, отрицают наличие монголоидных элементов в составе древнейшего населения Прибалтики. Новые палеоантропологические материалы по Эстонии позволяют, однако, К. Ю. Марку и автору настоящей статьи отстаивать свою первоначальную точку зрения на этот вопрос (см. указ. раб. М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова, стр. 14—150, 166—170).

<sup>25</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 145—146.

<sup>26</sup> См., например, К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа, стр. 222—228, карта на стр. 225; Karin Mark, Zur Entstehung..., стр. 17—20, карта на стр. 18.

дию. К южным и восточным связям прибалтийского населения прибавились, таким образом, связи северные. Только о западных связях (через Балтику со Скандинавией) мы для периода мезолита не имеем никаких данных. Даже неглубокое и сравнительно неширокое море могло быть в то время существенным препятствием для этих связей.

О языках «кундаских» племен мы так же ничего не знаем, как и о языках племен «свидерских». В последнее время некоторые финляндские ученые, в частности А. Яуряпя и К. Вилкуна, высказывали гипотезу о прямой преемственности между «кундасцами» и позднейшими прибалтийско-финскими народами<sup>27</sup>. Однако Х. А. Моора по поводу этой гипотезы справедливо замечает, что хотя племена культуры Кунда и участвовали, вероятно, в формировании этнического состава населения Прибалтики, все же нет оснований предполагать, что они говорили на финно-угорских языках<sup>28</sup>. Действительно, трудно допустить, что языки эти (или даже исходный для всех них язык-основа) могли существовать уже в VII—VI тысячелетиях до н. э. на западной периферии Восточной Европы. Правдоподобнее считать, что группы восточного происхождения, вошедшие в состав культуры Кунда, говорили на каких-то не дошедших до нас «палеоазиатских» языках, возможно — родственных языкам древнейшего населения Сибири<sup>29</sup>. С этой точки зрения очень интересно предположение П. А. Аристе о том, что в прибалтийско-финских языках прослеживаются черты весьма древнего чуждого субстрата, элементы какого-то не определенного пока языка<sup>30</sup>.

## 3

Гораздо более полными и ясными данными о хозяйственно-культурных связях населения Восточной Прибалтики и соседних территорий мы располагаем для периода неолита (III и первая половина II тысячелетия до н. э.). Новейшие археологические материалы показывают, что древнейшая неолитическая керамика Прибалтики и соседних территорий неоднородна. Так, остродонные сосуды со скудным орнаментом, найденные у деревни Серово в Калининградской области, напоминают примитивную раннеолитическую керамику Западной Прибалтики — северной Германии и Дании. В то же время посуда типа Сперрингс (по названию поселения около Хельсинки) из Финляндии, Карельской АССР и северных районов Ленинградской области, датируемая началом III тысячелетия до н. э., оказывается столь похожей на керамику того же периода из Приуралья и Западной Сибири, что Л. Ю. Янитс считает возможным прямо связывать ее распространение с переселениями каких-то древних племен — скорее всего финно-угорских — из северо-западной Азии к берегам Балтийского моря<sup>31</sup>. Гипотеза эта хорошо согласуется с представлениями большинства современных лингвистов финно-угроведов, считающих, что образование финно-угорской языковой общности происходило в период позднего мезолита (V—IV тысячелетия до н. э.) на территории, охватывающей Урал с востока, юга и запада<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> А. Аугрää, Указ. раб., стр. 41; К. Vilkuна, När kommo österjöfönnarna till Baltikum? «Folk-Liv», XII—XIII, Stockholm, 1948—1949, стр. 35.

<sup>28</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 59—60.

<sup>29</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 154—155.

<sup>30</sup> P. Ariste, Mõningaid märkmeid, «Eesti NSV ajaloo», I, Kõite Kõhta, «Edasi», 13 января 1956 (цит. по статье Х. А. Моора «Вопросы сложения эстонского народа...», стр. 59).

<sup>31</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 151.

<sup>32</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 56. Ср. также: А. Я. Брюсов, Указ. раб., стр. 25 сл.; Э. Моляр, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа, «Studia Historica», 13, Budapest, 1955, стр. 14 сл.; Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы, «Сов. этнография», 1952, № 1, стр. 49.

В Прибалтику с этой территории на заре неолита пришли, скорее всего, племена, говорившие на различных диалектах прибалтийско-финского языка-основы, который уже существовал в конце IV — начале III тысячелетия до н. э.<sup>33</sup>

Несколько более поздней по сравнению с посудой типа Сперрингс является, по-видимому, древняя ямочно-гребенчатая керамика «нарвского типа» из северо-восточной Эстонии, датируемая серединой III тысячелетия до н. э. Керамика эта, обнаруженная в нижнем течении Нарвы и в поселении Акали в районе устья Эмайыги, имеет некоторое сходство, с одной стороны, с посудой из Серова, а с другой, — с керамикой Приуралья и типа Сперрингс. «Мы имеем здесь, вероятно, — пишет Л. Ю. Янитс, — не случайное совпадение, а результат продолжительного соприкосновения между населением разных районов лесной полосы, возможно, появление на побережье Балтийского моря какой-то новой группы населения с востока»<sup>34</sup>. Этой новой группой и были, скорее всего, наиболее продвинувшиеся к западу, так сказать «передовые», представители древних прибалтийско-финских племен, проникшие на территорию современной Эстонии с северо-востока — из Прионежья и Приладожья, где найдено много стоянок с керамикой типа Сперрингс. Путь этих пришельцев лежал, вероятно, вдоль южного берега Финского залива к Чудскому озеру.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. почти во всей Восточной Прибалтике — от Эстонии до нынешней Калининградской области и северной Польши, — а также в Финляндии распространилась «типичная ямочно-гребенчатая керамика, принесенная, по-видимому, из западного Приладожья новыми волнами прибалтийско-финских племен, быстро поглотившими редкое местное население — потомков мезолитических «кундасцев». На всей обширной территории своего бытования керамика эта была первоначально сравнительно однородной. Однородными оказываются и связанные с ней каменные орудия и другие предметы; повсеместно здесь встречаются, например, изделия из валдайского кремня и олонцкого сланца, а также вещи из янтаря, происходящего с юго-восточного балтийского побережья»<sup>35</sup>. Это прямо указывает на тесные хозяйственно-культурные связи прибалтийских племен того времени как между собой, так и с соседними группами населения, особенно, — с жившими к востоку и югу от Эстонии, Латвии и Литвы — в современной Карелии, на Валдайской возвышенности, в бассейне Вислы.

Палеоантропологические данные также указывают на связи неолитического населения Восточной Прибалтики с его южными и восточными соседями. В настоящее время можно считать твердо установленным, что население это было расово неоднородным: оно включало европеоидные, монголоидные и переходные, смешанные типы<sup>36</sup>. Первые по своему происхождению связаны, несомненно, с южной половиной Восточной Европы, вторые — с Северной Азией (через лесную полосу восточноевропейского севера). Смещение тех и других началось, как мы видели, еще в период мезолита на всем обширном пространстве таежной зоны между Уралом и Балтикой<sup>37</sup>. На территорию Восточной Прибалтики с прибал-

<sup>33</sup> П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 25.

<sup>34</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 152.

<sup>35</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 60—65; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 153 сл.; е го ж е, Неолитические поселения на территории Эстонской ССР, «Muistsed asulad ja linnused», Tallinn, 1955, стр. 198—201.

<sup>36</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 156—174; К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, стр. 222—228; Karin Mark, Zur Entstehung der gegenwärtigen Rasseny. rep..., стр. 7—20.

<sup>37</sup> См. выше, стр. 97—98.

тийско-финскими племенами распространились, по-видимому, как уже смешанные антропологические типы, так и более «чистые» монголоиды. Могли входить в состав этих племен и европеоидные компоненты; большая часть их, однако, до начала II тысячелетия до н. э. была связана в Восточной Прибалтике, вероятно, с потомками мезолитических «кундасцев» и особенно «свидерцев».

Об этническом составе населения Восточной Прибалтики в III тысячелетии до н. э. можно судить только по косвенным данным, которые, как мы уже видели, позволяют предполагать, что население это говорило на древнейших прибалтийско-финских языках финно-угорской семьи. Не исключена возможность, что в формировании этих языков некоторую роль в качестве субстрата сыграли языки мезолитических «кундасцев» и «свидерцев» — палеоазиатские или палеоевропейские, или и те и другие вместе. В конце III — начале II тысячелетия до н. э. единая прежде прибалтийская культура «типичной» ямочно-гребенчатой керамики стала подразделяться на несколько местных хозяйственно-культурных вариантов, соответствующих, по-видимому, формировавшимся тогда племенным группам прибалтийских финнов. Наиболее отчетливо выступают различия между двумя группами поселений этого времени на территории Латвии и Эстонии: западной, охватывающей памятники Курземе, и восточной, включающей поселения юго-восточной Эстонии и северо-восточной Латвии. Особняком стоят некоторые памятники прибрежной полосы северной Эстонии (район Таллина) и острова Сааремаа<sup>38</sup>. Естественно возникает вопрос: не началось ли уже тогда образование основных районов (подобластей) прибалтийской историко-этнографической области: юго-западного, юго-восточного и северного<sup>39</sup>?

Большую роль в формировании этих районов уже в неолитическом периоде играли, несомненно, местные особенности хозяйства. На острове Сааремаа, например, основу хозяйства составляли рыболовство и охота на тюленя; на юго-востоке Эстонии — далеко от моря — преобладающую экономическую роль играла охота на лесных зверей: лося, тура, бобра, кабана, куницу и др.<sup>40</sup>. Существенное значение для выработки местных особенностей культуры имело, вместе с тем, и взаимодействие неолитических племен Восточной Прибалтики с населением соседних территорий. Наибольшую роль здесь играли связи с восточными соседями, прежде всего с древнефинскими племенами волго-окской группы, часть которых именно в рассматриваемый период продвинулась далеко на север и северо-запад в пределы теперешних Архангельской и Вологодской областей, а также Карельской АССР<sup>41</sup>. С этим передвижением связано, вероятно, появление ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа — с преимущественно ямочным орнаментом — в неолитических поселениях на восточных рубежах Прибалтики (Обонежье, Приладожье, отчасти восточные районы Эстонии и Латвии). Не исключена возможность, что длительный контакт с волго-окскими племенами сыграл определенную роль в обособлении карельских и вепских диалектов от других прибалтийско-финских языков<sup>42</sup>. Общность культуры ямочно-гребенчатой керамики к югу и к северу от Финского залива указывает также на активное взаимодействие в III тысячелетии до н. э. племен севера Эстонии и Финляндии<sup>43</sup>.

<sup>38</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 161—162, рис. 24.

<sup>39</sup> См. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 13—14.

<sup>40</sup> Х. А. и А. А. Х. Моора, Указ. раб.

<sup>41</sup> М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», 29, 1952, стр. 153 сл.

<sup>42</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 163; П. А. Аристе, Указ. раб., стр. 25—26.

<sup>43</sup> А. Аугярайтис, Указ. раб., стр. 212 сл.



Есть некоторые, пока еще очень слабые, основания предполагать, что в то же, примерно, время возникли первые связи населения Восточной Прибалтики с его западными соседями — племенами Скандинавии. Невозможность таких связей указывают, например, некоторые особенности керамики из неолитических памятников северной Эстонии и острова Сааремаа, характерные также для глиняной посуды с острова Готланд и прилегающих районов материковой Швеции<sup>44</sup>. Не вполне ясен вопрос о взаимодействии древних прибалтийско-финских племен с их южными соседями. Малочисленность памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в Литве и северной Польше, а также сравнительно кратковременное, по видимому, использование их древним населением, позволяют выдвинуть гипотезу о постепенном растворении наиболее южной группы прибалтийско-финнов среди местного населения бассейнов Немана и Вислы, скорее всего среди обитавших здесь тогда предков славян и летто-литовцев (балтийцев)<sup>45</sup>. Заслуживает внимания в связи с этим вопросом предположение Т. Лер-Сплавинского о наличии в славянских и балтийских языках очень древних финских заимствований, отсутствующих во всех других языках индоевропейской семьи<sup>46</sup>.

## 4

В начале II тысячелетия до н. э. в этническом составе населения Восточной Прибалтики произошли большие изменения, сыгравшие первоочередную роль во всей дальнейшей истории его хозяйственно-культурных связей. Изменения эти, многократно описанные в новейшей советской археологической и антропологической литературе<sup>47</sup>, были вызваны расселением на территории теперешней Калининградской области, Литвы, Латвии и Эстонии (а также юго-западной Финляндии) древнебалтийских (летто-литовских) скотоводческо-земледельческих племен, проникших к берегам Балтийского моря с юга и принесших с собой в высшей степени характерный хозяйственный и бытовой инвентарь. В его составе видное место занимали шлифованные и сверленные «боевые» каменные топоры, часто имеющие ладьевидную форму, а также глиняные сосуды, украшенные отпечатком шнура (кубки, шаровидные амфоры и др.)<sup>48</sup>. Антропологически эти новые насельники Прибалтики принадлежали большей частью к европеоидному массивному, относительно длинноголового и широколицему типу<sup>49</sup>. Своих покойников они хоронили обычно в скорченном положении под насыпью или в грунте<sup>50</sup>.

Новейшие археологические материалы позволяют выделить в Восточной Прибалтике по крайней мере две поздненеолитические местные культуры «боевых» топоров — южную, висло-неманскую, и северную, эстонскую, — датируемые XVIII—XIV вв. до н. э. На соседних территориях Восточной Европы существовало еще несколько более или менее син-

<sup>44</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 161.

<sup>45</sup> П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, 2-е изд., М., 1953, стр. 35 сл.

<sup>46</sup> Т. Лер-Сплавинский, Новая попытка освещения проблемы происхождения славян, «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 155.

<sup>47</sup> См. в особенности: Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 64—75; его же, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 9—33; Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 163—171; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 174—184.

<sup>48</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 12—13.

<sup>49</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 174—184; ср. также: К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии..., стр. 229—232; Karin Mark, Zur Erstehung der gegenwärtigen Rassentypen..., стр. 7—22.

<sup>50</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 12—13.

хронных культур того же типа: днепровско-деснинская, фатьяновская (в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье), финляндская. Первая из них, занимающая центральное место среди восточноевропейских культур «боевых» топоров, не вполне однородна: в ее составе выделяются, в частности, более северная, деснинско-верхнеднепровская (или просто деснинская) группа в Белоруссии и более южная, среднеднепровская группа на Украине с центром в районе Киева<sup>51</sup>. Очень важно подчеркнуть, что все восточноевропейские культуры «боевых» топоров, кроме среднеднепровской, являются пришлыми на территории их распространения, где до них существовали различные культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. В Западной Европе в рассматриваемое время также шло распространение аналогичных культур скотоводов и земледельцев, искавших новые пастбища, с юга на север (например, из Германии в Данию, Южную Швецию и соседние районы Норвегии)<sup>52</sup>.

Многие исследователи — как советские, так и зарубежные — связывают культуры «боевых» топоров с отдельными группами древних индоевропейских племен<sup>53</sup>.

Восточноевропейские варианты этих культур обычно считают принадлежавшими наиболее ранним группам славян и балтийцев. Одни авторы — преимущественно языковеды — допускают, что речь должна идти здесь о еще неразделившихся славяно-балтийцах<sup>54</sup>; другие же ученые, главным образом археологи, предпочитают говорить о славянских и балтийских племенах отдельно. Х. А. Моора, например, пишет: «Несмотря на то, что вопрос происхождения культур боевых топоров и их населения окончательно еще не решен, мы имеем основание полагать, что носителями этих культур в низовьях Вислы, в Прибалтике, в Белоруссии и в Волго-Окском междуречье были ранние балтийские племена, или прабалты»<sup>55</sup>. В пределы Восточной Прибалтики племена эти проникли, по видимому, двумя путями — юго-восточным (с верховьев Днепра) и юго-западным (с низовьев Вислы). Висло-неманская культура обнаруживает связи как со среднеевропейскими, так и с восточноевропейскими культурами «боевых» топоров. Между висло-неманской и днепровско-деснинской культурами не было четкой территориальной границы: через северо-западную Белоруссию между ними существовали тесные хозяйственно-культурные связи<sup>56</sup>. Эстонская культура была в свою очередь связана как с висло-неманской, так и с днепровско-деснинской — со второй, возможно, даже теснее, чем с первой<sup>57</sup>.

Эстония не была крайним северным пределом расселения древнебалтийских племен; через Финский залив они проникли на юго-запад Финляндии, где широко распространены позднеолитические памятники

<sup>51</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 14—18; ср. также: Т. С. Пассек, К вопросу о среднеднепровской культуре, КСИИМК XVI, 1947, стр. 34 сл.; А. J. В r j u s o v, Die Wanderung der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie (Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur), «Acta Archaeologica», XX, 1954, стр. 320 сл.; А. Е u r o p a e u s (Äyräpää), Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland, «Acta Archaeologica», I, 1930, стр. 190 сл.

<sup>52</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 12, рис. 2.

<sup>53</sup> См., например: Б. В. Горнунг, Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи, «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 г.», М.—Л., 1956, стр. 36 сл.; Г. Ч ай л д, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 245.

<sup>54</sup> Т. Л е р - С п л а в и н с к и й, Указ. раб., стр. 154.

<sup>55</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 19.

<sup>56</sup> Там же, стр. 16; ср. также: L. Kilián, Haffküstenkultur und Ursprung der Balten, Bonn, 1955, стр. 108 сл.

<sup>57</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 17.

местной культуры «боевых» топоров<sup>58</sup>. Отсюда через Атлантические острова также богатые памятниками этого типа, носители рассматриваемой культуры достигали, по-видимому, берегов средней Швеции. Не исключена возможность непосредственных связей со Швецией из прибрежной полосы Латвии через Готланд<sup>59</sup>. Таким образом, Восточная Прибалтика в первой половине II тысячелетия до н. э. была широкой полосой интенсивных передвижений с юга на север, а отчасти и с востока на запад, древних балтийских племен, которые принесли с собой в область распространения охотничье-рыболовческих культур с ямочно-гребенчатой керамикой новые виды хозяйства — пастушеское скотоводство и земледелие. Племена эти, продвинувшись на север, сохраняли непосредственные хозяйственно-культурные связи с населением районов своего первоначального обитания; наиболее интенсивными такие связи были, естественно, в южной половине Восточной Прибалтики — к югу от Даугавы<sup>60</sup>.

В самой Восточной Прибалтике древнебалтийские пастушеско-земледельческие племена вступили в самое тесное хозяйственно-культурное взаимодействие с финноязычным охотничье-рыболовческим населением. Мозаичное распространение поздне-неолитических памятников с «боевыми» топорами и ямочно-гребенчатой керамикой в Эстонии и Латвии прямо указывает на чересполосное расселение здесь обеих групп племен<sup>61</sup>. Наличие в памятниках той и другой культуры как европеоидных так и промежуточных европеоидно-монголоидных черепов говорит о биологическом смешении этих групп, — т. е. о перекрестных браках между ними<sup>62</sup>. Данные сравнительного языкознания позволяют проследить в прибалтийско-финских и балтийских (летто-литовских) языках взаимные древние заимствования, восходящие, скорее всего, именно к периоду позднего неолита<sup>63</sup>. Очевидно, что на первых порах (примерно до середины II тысячелетия до н. э.) прибалтийско-финские и балтийские племена жили на одной и той же территории бок о бок друг с другом, постоянно обмениваясь своими хозяйственными и культурно-бытовыми приемами. Финны, в частности, воспринимали от балтийцев приемы митивного (мотыжного) земледелия, а возможно и скотоводства. Балтийцы могли заимствовать у финнов многие приемы охоты и рыболовства (например, тюлений промысел или некоторые типы плетеных рыболовных снастей), а также отдельные элементы материальной культуры, частично сохранившиеся в виде пережитков почти до наших дней (например, конический шалаш, использовавшийся в Эстонии и в северной Латвии в качестве летней кухни еще в конце XIX — начале XX в.).

Через прибалтийско-финские племена, жившие в конце неолита на территории Эстонии, Латвии, а возможно и Литвы, балтийские хозяйственно-культурные и языковые заимствования могли проникнуть и к прибалтийско-финским группам, которые обитали в более восточных северо-восточных районах, т. е. к предкам современных вепсов и карел. Вполне возможно, однако, что восточные группы древних прибалтийско-финских племен имели с древними балтийцами и непосредственные связи: ареалы распространения культур «боевых» топоров доходили вплоть до Приильмунья и бассейна Волхова, а еще восточнее — почти до Белоозера<sup>65</sup>. Балтийские языковые заимствования, как известно, прослеживаются не только в прибалтийско-финских, но и в поволжско-финских языках; область пр

<sup>58</sup> А. Еигораеус (Aугāraē), Указ. раб., стр. 190.

<sup>59</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 90, прим. 64.

<sup>60</sup> Л. Ю. Янитс, К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения..., стр. 169, прим. 54.

<sup>61</sup> Там же, стр. 165, рис. 54.

<sup>62</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 177, рис. 39.

<sup>63</sup> П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 12—14.

<sup>64</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 75.

<sup>65</sup> П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 12.

пространения последних в период позднего неолита все еще непосредственно примыкала, вероятно, к области распространения первых<sup>66</sup>. Балтийские влияния на финнов шли, надо думать, со стороны всех северных культур «боевых» топоров Восточной Европы: висло-неманской, эстонской, финляндской, верхнеднепровско-деснинской и даже фатьяновской.

## 5

Жившие в Восточной Прибалтике чересполосно прибалто-финские и балтийские племена должны были в конце концов слиться. Это действительно и произошло во второй половине II и в начале I тысячелетия до н. э. — в раннем бронзовом веке. Однако процесс слияния шел по-разному в районах распространения различных культур «боевых» топоров. В области висло-неманской культуры, где естественно-географические условия были наиболее благоприятны для пастушеского скотоводства и земледелия, численность финнов, по сравнению с балтийцами, была, вероятно, невелика, а связи последних с их южными соплеменниками поддерживались наиболее интенсивно, — возобладали в конечном счете балтийская речь и сложилось компактное балтоязычное население — прямые предки позднейших пруссов, литовцев и латышей. Здесь развилась особая «западнобалтийская» культура бронзового века, распространившаяся на севере до низовьев Даугавы и даже несколько к северу от нее<sup>67</sup>.

К иным конечным результатам привело длительное взаимодействие финских и балтийских племен в районах распространения эстонской и финляндской культур «боевых» топоров, где более суровые природные условия благоприятствовали сохранению значительной роли охоты и рыболовства в хозяйстве и, напротив, тормозили развитие скотоводства и особенно земледелия. В этих районах более многочисленные прибалто-финские племена в конце концов поглотили продвинувшиеся сюда отдельные балтийские группы, оторвавшиеся от своих соплеменников, обитавших в более южных районах<sup>68</sup>. Аналогичной была, по-видимому, и судьба верхневолжских и волго-окских «фатьяновских» племен, также растворившихся в более многочисленном финно-угорском населении. Постепенно древнебалтийские племена лесной полосы Восточной Европы исчезли почти повсеместно за исключением отдельных долго сохранявшихся островков и области западнобалтийской культуры с примыкающими к ней районами между низовьями Вислы и Даугавы; ассимилировавшие балтийцев финно-угры местами (особенно в Поволжье) несколько продвинулись, по-видимому, на юг и вступили в непосредственный контакт с продвигавшимися навстречу им древнеславянскими племенами.

Значительный интерес для изучения хозяйственно-культурных связей населения Восточной Прибалтики в бронзовом веке представляют бытовавшие в то время формы керамики. Наличие в прибалтийских поселениях рассматриваемого периода глиняных сосудов с ямочно-гребенчатым и шнуровым орнаментом свидетельствует о долгом сохранении здесь как «прибалтийско-финских», так и «балтийских» культурно-бытовых традиций. Появление же в этих поселениях «текстильной» (сетчатой) керамики объясняется, по-видимому, взаимодействием населения Восточной Прибалтики с древнефинскими племенами Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, для которых керамика этого типа была в то время наиболее характерна. Х. А. Моора считает возможным даже прямо говорить о продвижении из указанных районов каких-то групп

<sup>66</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 11—12, рис. 1—2.

<sup>67</sup> Там же, стр. 22—23; L. Kilia n, Указ. раб., карты 12 и 13.

<sup>68</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 72—73; ср. также: С. F. Meina n d e r, Die Kiukaiskultur, «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen. Aika-Kauskirja», Helsinki, 1954, стр. 172 сл.

населения на запад, по направлению к берегам Балтийского моря<sup>69</sup>. Одельные фрагменты «текстильной» керамики встречаются даже около Серова в Калининградской области, но все же в этих местах, а также на западе Литвы и юго-западе Латвии они сравнительно редки, концентрируясь в наибольшем количестве в восточных районах Латвии, на востоке и юго-востоке Эстонии, т. е. в тех частях Восточной Прибалтики, где культура «боевых» топоров представлена сравнительно слабо и связана по своему происхождению скорее с юго-востоком (Верхним Поднепровьем), чем с юго-западом (Висло-Неманским междуречьем)<sup>70</sup>.

Возникшие в III—II тысячелетиях до н. э. хозяйственно-культурные связи племен Восточной Прибалтики с их восточными (финно-угорскими) и южными (индоевропейскими) соседями продолжали развиваться и укрепляться на протяжении всего I тысячелетия до н. э., когда на интересующей нас территории закончился бронзовый век и началось постепенное распространение железа. На базе общего подъема производительных сил в это время патриархально-родовой строй достиг у прибалтийских племен, по-видимому, последнего этапа своего развития. С изменением социально-экономических отношений было связано, несомненно, появление новых типов поселений (укрепленных городищ) и погребальных памятников (курганов и монументальных каменных надгробий). Усложнилась также племенная организация, в связи с развитием обмена более прочными стали межплеменные связи, отчетливо выделились отдельные группы племен, возможно уже объединявшиеся в более или менее устойчивые союзы. Существенные сдвиги, вызванные процессами этнической консолидации, передвижениями и смешениями различных племенных групп, произошли в конце бронзового и начале железного века также в этническом составе населения Восточной Прибалтики и в этнических границах — как в ее пределах, так и на соседних территориях<sup>71</sup>.

В Эстонии и на севере Латвии (Видземе и некоторые районы Курземе) в то время жили прибалтийско-финские племена — непосредственные предки эстонцев и ливов, хоронившие своих покойников в курганных могильниках с каменными ящиками. Южная Латвия и вся Литва были населены балтийскими (летто-литовскими) племенами, погребения которых — земляные курганы или грунтовые захоронения — резко отличались от прибалто-финских каменных могильников. Среди балтийцев уже ясно выступали различия между отдельными племенными группами, особенно — между западными и восточными. Для юго-запада Латвии и прибрежной полосы Литвы наиболее характерными были курганы с погребениями в урнах типа Курмайчай, отсутствовавшие в более восточных районах. В то же, примерно, время на востоке Литвы и Латвии (а также в смежных районах Белоруссии) были распространены укрепленные городища со штрихованной керамикой. На карте культур раннего железного века, составленной Х. А. Моора, находки штрихованной керамики отмечены также в Эстонии, особенно в ее восточной части — у берегов Чудского озера<sup>72</sup>.

<sup>69</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 76—79.

<sup>70</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 77.

<sup>71</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 184—185; З. Куликаускас, Курмайчские археологические памятники и данные их исследования, Автореферат диссертации, Вильнюс, 1949; его же, Некоторые данные о первоначальном заселении..., стр. 41—42; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 79—107; его же, О древней территории расселения прибалтийских племен..., стр. 23—26; М. Х. Шмидехельм, О племенах северо-восточной Эстонии..., стр. 172—175.

<sup>72</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 4; рис. 4. Общий обзор типов поселений и могильников Восточной Прибалтики в I тысячелетии до н. э., составлен главным образом на основании работ, перечисленных в прим. 71. См., кроме того, Н. Моора, Muistsete linnuste uurimisi tulemistest Eesti NSV-s, Сб. «Muistsed asulad ja linnused», Tallin, 1955, стр. 45—9

Таким образом, совершенно ясно, что в I тысячелетии до н. э. не только сложилась восточнобалтийская историко-этнографическая область, но и отчетливо наметились ее основные подобласти — юго-восточная (аукштайтско-латгальская), юго-западная (жемайтско-куршская) и северная (эстонско-ливская). Характерными памятниками первой были в рассматриваемое время городища со штрихованной керамикой и отчасти курганные могильники с трупосожжением, второй — курганы с трупоположением и особенно групповые захоронения (в том числе погребения в урнах), третьей — погребальные сооружения с каменными ящиками. Очень вероятно, что к тому же периоду восходит возникновение различий между восточными и западными диалектами балтийских (летто-литовских) племен, сложившихся, по-видимому, гораздо раньше формирования отдельных диалектов литовского и латышского языков<sup>73</sup>. Ареалы этих групп диалектов в основном соответствовали юго-восточной и юго-западной историко-этнографическим подобластям Восточной Прибалтики. На севере же этой области тогда уже, несомненно, выделялись ливские, североэстонские и южноэстонские племенные диалекты<sup>74</sup>. Последние сосредоточивались преимущественно на юго-востоке Эстонии; их носители находились в тесном взаимодействии с соседними северо-восточными группами балтийских племен.

В хозяйственно-культурных связях населения трех описанных историко-этнографических подобластей Восточной Прибалтики также наблюдались, с одной стороны, общие явления, с другой же — специфические местные черты. Продолжали существовать на протяжении всего I тысячелетия до н. э. связи населения многих восточноприбалтийских районов с финно-угорскими племенами обширной области распространения «дьяковских» городищ с «текстильной» керамикой. Посуда этого типа найдена в большом количестве на городищах и современных им открытых поселениях восточной Латвии и юго-восточной Эстонии; встречается она, хотя и не столь часто, также в более западных районах обеих республик вплоть до Видземе и о. Сааремаа. На юго-западе Латвии и в большей части Литвы керамика эта, однако, не обнаружена. Учитывая наличие в Эстонии и северной Латвии укрепленных городищ, очень сходных с дьяковскими, некоторые исследователи считают даже возможным говорить о местном прибалтийском варианте дьяковской культуры. Вполне возможно, что в рассматриваемое время из Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья продолжался некоторый приток населения в Восточную Прибалтику, начавшийся, как мы видели, еще в бронзовом веке — в конце II и начале I тысячелетия до н. э.<sup>75</sup> Ясно, во всяком случае, что очень долго (по крайней мере до первых веков н. э.) сохранялся непосредственный контакт прибалто-финских, а отчасти и балтийских племен с их восточными соседями — финно-уграми бассейна Верхней Волги.

Чрезвычайно интенсивными были также в это время хозяйственно-культурные связи населения Восточной Прибалтики с племенами более южных районов, жившими в бассейнах Днепра и Вислы. Археологические материалы ясно показывают, что южные влияния ощущались тогда на всей территории Литвы, Латвии и Эстонии, доходя до южной Финляндии. Очень важно подчеркнуть, что речь идет здесь не только о взаи-

<sup>73</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 30—33; особенно рис. 8 — карта диалектов балтийских языков, составленная по данным языковедов Латвийской и Литовской ССР — И. Круопаса, М. Рудзите, М. Семеновой и др.

<sup>74</sup> П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 15—17; А. Х. Каск, К вопросу о формировании и группировке эстонских диалектов, стр. 30—32.

<sup>75</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 81 (рис. 5) и 84; его же, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 23—24 (рис. 4); П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена..., стр. 94 сл.; его же, К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э., «Сов. археология», 1957, № 2, стр. 75.

модействии с балтийскими племенами, расселенными к югу от Литвы в Верхнем Поднепровье и Повисленье, но и о вполне реальных связях южными соседями самих этих племен — различными группами древних славян. Связи со славянами осуществлялись двумя путями: юго-восточным (из днепровского бассейна в восточные районы Литвы и Латвии) и юго-западным (с берегов нижней Вислы в их западные районы). По первому направлению разворачивалось взаимодействие восточнобалтийских племен, оставивших городища со штрихованной керамикой, обитавшими южнее их восточными славянами, центр расселения которых во второй половине I тысячелетия до н. э. был расположен к югу от Припяти — на Киевщине и Волыни. Различные местные группы городищ с более или менее гладкостенной керамикой на Верхнем Днепре, Десне и Соже часть советских археологов считает принадлежавшими южной ветви восточных балтийцев<sup>76</sup>. Впрочем, границы между восточнославянскими и балтийскими племенами в Поднепровье по данным археологии провести очень трудно, настолько памятники обеих этнических групп тесно связаны между собой постепенными переходами. О некоторых из этих памятников, например о «милоградских» городищах Среднего Поднепровья (к северу от устья Припяти), до сих пор ведутся споры — были ли они восточнославянскими или балтийскими<sup>77</sup>. Однако до крайнего севера Восточной Прибалтики, заселенного прибалто-финскими племенами, восточнославянские влияния в I тысячелетии до н. э. из-за дальности расстояния, по-видимому, почти не доходили.

Очень активными были в раннем железном веке хозяйственно-культурные связи населения Восточной Прибалтики с западнославянскими племенами лужицкой культуры, непосредственно соседившими с балтийцами в низовьях Вислы, а возможно, и проникавшими вдоль берегов Балтийского моря и в более северные районы летто-литовской и даже ливо-эстонской этнической территории<sup>78</sup>. Вполне возможно, таким образом, что западные славяне уже тогда вступили в непосредственный контакт с прибалтийскими финнами. Керамика лужицкого типа встречается в Эстонии почти повсеместно (вплоть до городища Асва на о. Сааремаа), ее находят также в Финляндии и даже в средней Швеции. От лужицких племен предки ливов и эстонцев восприняли, по мнению Х. А. Моора, многие формы бронзовых орудий, некоторые способы бронзового литья, пахотное земледелие и связанные с ним древнейшие типы рала и ярма, приемы обработки льна<sup>79</sup>. К тому же периоду относятся, вероятно, многочисленные западнославянские заимствования как в летто-литовских, так и в прибалтийско-финских языках<sup>80</sup>.

Более прочными и устойчивыми, чем в неолите и раннем бронзовом веке, стали в I тысячелетии до н. э. также связи племен Восточной Прибалтики с их северными (финляндскими) и западными (скандинавскими) соседями. Тесное взаимодействие в это время населения, жившего на обоих берегах Финского залива, хорошо доказывается сходством погребальных сооружений — курганов с каменными ящиками — и большо-

<sup>76</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен, стр. 24—25; ср. также: П. Н. Третьяков, К вопросу об этническом составе, стр. 86 сл.; В. П. Левенко, Городища юхновской культуры, «Краткие сообщения Ин-та археологии», вып. 7, Киев, 1957, стр. 48 сл.; О. Н. Мельниковская, Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья, там же, стр. 46 сл.

<sup>77</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 24 сл.; ср. также: П. Н. Третьяков, К вопросу об этническом составе..., стр. 86 сл.; О. Н. Мельниковская, Указ. раб., стр. 47.

<sup>78</sup> Об этих гипотетических передвижениях западных славян («венедов» античных источников, «вендов» позднейших немецких авторов) см., например, в статье М. В. Витова «Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, 1959, стр. 575—576).

<sup>79</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 95.

<sup>80</sup> П. А. Аристеэ, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 23—24.

близостью хозяйственного и бытового инвентаря<sup>81</sup>. Вполне возможно, что погребения в каменных ящиках распространились в Эстонию из Финляндии, куда они в свою очередь попали из Швеции, где аналогичные памятники существовали уже в конце II тысячелетия до н. э. Юго-западная Финляндия вообще служила в рассматриваемую эпоху промежуточным этапом в сношениях Восточной Прибалтики со Скандинавией. Не следует, однако, думать, что в железном веке с западного берега Балтики на восточный переселялись какие-нибудь значительные человеческие группы. Ладьевидные каменные могильники собственно скандинавского типа, правда, встречаются на Аландских островах, на северном берегу Финского залива и даже в Курземе, но нигде они не многочисленны и не заходят далеко от моря<sup>82</sup>. Очевидно, что численность скандинавских переселенцев в Финляндии и Восточной Прибалтике была сравнительно невелика, а продолжительность их обитания там незначительна<sup>83</sup>. Все же можно предполагать, что ранние германские заимствования в прибалтийско-финских языках относятся именно к этому периоду и связываются преимущественно со взаимодействием между прибалто-финнами и скандинавами, особенно племенами средней Швеции<sup>84</sup>.

## 6

С первых веков н. э. начался новый этап в этническом развитии населения Восточной Прибалтики и в истории его внутренних и внешних хозяйственно-культурных связей. Подсечно-мотыжное, а частично и пашенно-плужное земледелие стало в это время основным занятием как балтийских, так и прибалто-финских племен. Значительную экономическую роль играло и животноводство. Повсеместно распространилось, в частности, использование волов в качестве тягловой силы<sup>85</sup>. Поселения, тяготевшие раньше к низменным районам, стали равномернее распределяться по территории; было освоено большинство земель, пригодных для земледелия. Прочно вошли в быт металлы — железо и бронза. В соответствии с развитием экономики и значительным ростом населения изменился и общественный строй; основной социальной ячейкой, по-видимому, стала большесемейная (а не родовая, как раньше) патриархальная община. Вместе с тем еще более окрепла племенная организация: именно на памятниках материальной культуры I—V вв. н. э. можно с наибольшей ясностью проследить племенные границы на востоке Прибалтики. Очень ясно выступает граница между областью расселения балтийских (летто-литовских) племен в Литве и на юге Латвии и прибалто-финских (ливо-эстонских) на севере Курземе и Видземе, а также в Эстонии. Для первых были в рассматриваемое время характерны различные типы земляных курганов и грунтовых погребений, для вторых — каменные могильники с оградками<sup>86</sup>.

Внутри каждой из этих основных областей отчетливо выделяются этнические территории отдельных племенных общностей. В Литве намечается по крайней мере пять местных групп погребальных памятников. На западе, у берегов Балтийского моря были распространены грунтовые могильники, обложенные каменными венцами, оставленные, возможно, племенами скальвов. В средней части Литвы преобладали грунтовые погребения с укладкой камней в погребальную яму, принадлежавшие племенам жемайтов (жемайчяй) — «жителей низменно-

<sup>81</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 87—95.

<sup>82</sup> Там же (особенно рис. 7 на стр. 89).

<sup>83</sup> С. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland..., «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja», Helsinki, 1954, стр. 201.

<sup>84</sup> П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков..., стр. 18—20.

<sup>85</sup> K. Vilkuņa, Die Verwendung von Zugochsen in Finnland, «Studia Fennica», II, Helsinki, 1936.

<sup>86</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 108, рис. 10.



сти». К северу, у современных границ с Латвией, лежала территория невысоких курганов с основаниями, обложенными венцами крупной камней. Погребения этого типа по многим особенностям сходны с грунтовыми захоронениями средней Литвы. Р. Яблонските-Римантене предполагают, что они принадлежали какой-то местной группе жемайтского происхождения, вероятно очень близкой к соседним земгалам (жемгальей) Латвии. На востоке Литвы преобладающей формой погребений были земляные курганы с захоронениями в ямах под насыпью, а не в самой насыпи, как в более западных районах. С IV—V вв. н. э. здесь повсеместно распространяется трупосожжение, вытеснившее более раннее труположение<sup>88</sup>. Курганы восточной Литвы принадлежали, несомненно, собственно литовским, или аукштайтским, племенам (аукштайтчяй). В многих отношениях отличающимся от своих западных жемайтских соседей. Наконец, на крайнем юге Литвы намечается еще одна группа погребальных памятников первых веков н. э. — могильники, покрытые камнями, с труположением или трупосожжением. Возможно, что это были захоронения ятвягов или судавов (судувяй)<sup>89</sup>.

На территории Латвии также немало археологических памятников первых веков н. э., которые можно связать с отдельными группами балтийских племен. На западе выделяются грунтовые могильники поселения куршей со своеобразным инвентарем. В центральных районах встречаются курганы, близкие к северолитовским, оставленные земгалами, с которыми могут быть связаны и многие городища<sup>90</sup>. На востоке и юго-востоке Латвии хорошо изучены группы памятников, связанные с латгалами и этнически близкими к ним селами. Особенно характерны латгальские городища, которых известно более 200; нижние слои некоторых из них относятся к первым векам н. э.<sup>91</sup> Северная Латвийской ССР в рассматриваемое время был заселен, как уже упоминалось, прибалто-финскими племенами, обитавшими также в Эстонии. Здесь тоже выделяются по археологическим данным по крайней мере три группы племен: северная, южная (точнее юго-восточная) и западная (на о. Сааремаа и в соседних прибрежных материковых районах)<sup>92</sup>. Все перечисленные этнические группировки летто-литовские и ливо-эстонцев прослеживаются и в последующие исторические периоды вплоть до конца I и начала II тысячелетия н. э., хотя характерны для них памятники, а также территориальные границы между ними довольно заметно изменяются<sup>93</sup>. Данные археологии позволяют проследить также взаимодействие между всеми указанными племенными общностями, их местные передвижения и образование в некоторых случаях смешанных групп населения. Одной из таких групп, включавшей земгальские, латгальские и ливские компоненты, принадлежало, по видимому, крупное и долго населенное городище Кентескалнс, датированное V—IX вв. н. э.<sup>94</sup>.

Огромные изменения в I тысячелетии н. э. произошли и в культурно-хозяйственных связях народов Восточной Прибалтики с их соседями. В первых веках этого тысячелетия для западнобалтийских (жемайтских)

<sup>87</sup> Р. Яблонските-Римантене, Указ. раб., стр. 6—14.

<sup>88</sup> А. З. Таутавичюс, Восточнолитовские курганы, стр. 128—153.

<sup>89</sup> Р. Яблонските-Римантене, Указ. раб., стр. 18—19.

<sup>90</sup> Э. П. Бриквалне, Городище Тервеге и его историческое значение, Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 254—272.

<sup>91</sup> Э. Д. Шноре, Городища древних латгалов, Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 222—232.

<sup>92</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 110, рис. 11.

<sup>93</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 123 сл.; его же О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 26—28; Р. Яблонските-Римантене, Указ. раб., стр. 6—19, рис. 2, 5, 8.

<sup>94</sup> А. Я. Стубавс, Раскопки городища Кентескалнс в 1954—1956 гг., Труды Прибалтийской экспедиции, т. I, стр. 186—221.

куршских) племен наибольшее значение имело общение с соседними западными славянами Повисленья, а для восточнобалтийских (аукштайтско-латгальских) — с восточными славянами Поднепровья и соседних районов, уже тогда начавшими, по мнению некоторых археологов, постепенное продвижение к северу<sup>95</sup>. Прибалто-финские племена — ливские, южноэстонские и североэстонские — также испытывали, как и в I тысячелетии до н. э., влияния со стороны западных славян и продолжали хозяйственно-культурное взаимодействие со скандинавами. М. Х. Шмидехельм установила наличие в археологических памятниках Эстонии первых веков н. э. вещей, происходящих частично из Повисленья, частично же из Швеции<sup>96</sup>. Однако по сравнению с предыдущим периодом связи прибалто-финнов с германскими племенами Скандинавии заметно ослабли. Зато все большее значение стали приобретать связи с восточными славянами, от которых (возможно через посредство восточнобалтийских племен) эстонцы уже в первых веках н. э. получали некоторые виды украшений<sup>97</sup>.

С середины I тысячелетия н. э. связи эти стали быстро усиливаться; скоро они приобрели решающее значение для всей хозяйственно-культурной и этнической истории народов Восточной Прибалтики. Такое быстрое развитие восточнославянско-балтийских и восточнославянско-прибалто-финских связей было обусловлено в первую очередь начавшимся в то время интенсивным расселением восточных славян по всей Восточной Европе в связи с ростом у них производительных сил, увеличением численности населения, разложением первобытно-общинного строя и возникновением классового общества. Х. А. Моора, ссылаясь на финского этнографа К. Вилкуна, подчеркивает, что «восточные славяне развили такие способы подсечно-огневого земледелия, которые позволили им расчищать под посевы участки, поросшие даже самым девственным лесом, и получать с них большие урожаи»<sup>98</sup>. «Продвижение славян,— пишет автор в той же работе,— происходило в обстановке такого же глубокого социально-экономического перелома, каким был когда-то период расселения племен культуры боевых топоров»<sup>99</sup>. Внедряясь в среду родственных им лето-литовцев, а затем и финно-угров и частично поглощая, большей частью мирным путем, и тех и других, восточные славяне заселили во второй половине I тысячелетия н. э. почти все смежные с Восточной Прибалтикой территории в верховьях Немана и Западной Двины, в бассейне р. Великой и на восточных берегах Чудского озера<sup>100</sup>.

Главную роль во взаимодействии восточных славян с балтийцами и прибалто-финнами играли со славянской стороны кривичи, в меньшей мере родственные им новгородские (ильменские) словене. Характерные для кривичей погребальные памятники — длинные курганы — в большом количестве встречаются во всех смежных с Восточной Прибалтикой районах Белоруссии и РСФСР. Древнейшие памятники этого типа, датируемые серединой I тысячелетия н. э., обнаружены в низовьях р. Великой и у берегов Псковского озера, а также в верховьях Западной Двины. В обоих этих районах, и, кроме того, еще в верховьях

<sup>95</sup> Я. В. Станкевич, Исследование памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1949—1951 гг., КСИИМК, 52, 1953, стр. 62 сл.

<sup>96</sup> М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя..., стр. 211 сл.

<sup>97</sup> Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа..., стр. 117.

<sup>98</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 28. Статья К. Вилкуна, на которую ссылается Х. А. Моора, посвящена первобытным способам земледелия в Финляндии; она опубликована в серии «Nordisk kultur», Under redaktion av J. Bröndum-Nielsen, 13 Landbruk och lebygghelse, 1956.

<sup>99</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 28.

<sup>100</sup> Там же, стр. 28 сл.; В. В. Седов, Кривичи, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 46—62.

р. Великой, найдены кривичские городища и селища того же времени<sup>101</sup>. Поскольку в более южных районах, в частности в Верхнем Поднепровье, вплоть до VII—VIII вв. н. э. преобладало, по-видимому, неславянское население, В. В. Седов выдвинул недавно интересную гипотезу о переселении кривичей к берегам Западной Двины и р. Великой из более западных районов — скорее всего с верховьев Немана, а может быть и Западного Буга<sup>102</sup>. Во всяком случае несомненно, что кривичи, продвигаясь на север, селились на новых местах бок о бок с восточнобалтийскими и прибалто-финскими племенами, биологически смешивались с ними, вступали в самое тесное хозяйственное и культурное взаимодействие, обменивались трудовыми и бытовыми навыками.

Зона формирования смешанного славяно-балтийского и славяно-финского населения во второй половине I тысячелетия н. э. частично охватывала и восточные районы теперешних Прибалтийских республик. В Латвии кривичские длинные курганы встречаются, например, у берегов Даугавы в районе Краславы; в Эстонии они располагаются большой группой чересполосно с эстонскими каменными могильниками на древней земле Уганди на юго-востоке республики; здесь же встречаются и единичные курганы типа сопок, обычно связываемые с ильменскими словенами<sup>103</sup>. О смешении между восточными славянами, балтийцами и прибалто-финнами на востоке Прибалтики и соседних территориях в конце I и начале II тысячелетия н. э. свидетельствуют и антропологические данные. Весьма вероятно, что с расселением восточных славян связано распространение здесь узколицых европеоидных типов, имеющих в этих местах, по-видимому, южное (среднеднепровское, а может быть и неманско-бужское) происхождение<sup>104</sup>. Следы подобных типов — относительно длинноголового (ильменско-днепровского) и более короткоголового (валдайского) — и в настоящее время проявляются в составе некоторых групп населения Аукштайтии и Латгалии, а также в составе сету юго-восточной Эстонии и Псковской области<sup>105</sup>.

Если биологическое смешение литовцев, латышей и эстонцев с восточными славянами происходило преимущественно на востоке современной Советской Прибалтики, то мощное восточнославянское влияние во всех областях экономики, культуры и быта имело место на всей ее территории вплоть до крайне западных районов. Об этом согласны свидетельствуют археологические, историко-этнографические и лингвистические данные. Различные вещи, привезенные из восточнославянских земель или сделанные на месте по восточнославянским образцам находят во многих археологических памятниках Литвы, Латвии и Эстонии конца I и особенно начала II тысячелетия н. э. Так, например, некоторые типы женских украшений — в частности шейных гривн — оказываются очень сходными у древних литовцев и кривичей. Из Поднепровья в Литву шли, по-видимому, и куски серебра для изготов-

<sup>101</sup> Ф. Д. Гуревич, Археологические памятники Великолукской области КСИИМК, 62, 1956, стр. 95—107; Я. В. Станкевич, Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины, КСИИМК, 1958, стр. 52 сл.; С. А. Тараканова, Псковские курганы с трупосожжением КСИИМК, 36, 1951, стр. 142—147; ее же, Псковские городища, КСИИМК, стр. 37—38.

<sup>102</sup> В. В. Седов, Кривичи, стр. 53—58.

<sup>103</sup> Там же, стр. 55, рис. 2; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа, стр. 123—132, рис. 126.

<sup>104</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 29—30; ср. также: М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 187 сл., рис. 47; В. В. Седов, Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья, «Сов. этнография», 1954, № 4, стр. 12 сл.; Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Сов. этнография», 1954, № 1, стр. 91 сл.; ее же, Краниологические данные к этногенезу западных славян, «Сов. этнография», 1948, № 2, стр. 39 сл.

<sup>105</sup> М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 89—100, рис. 34.

ния этих украшений, и готовые вещи<sup>106</sup>. На территории Латвии восточнославянское влияние в IX—XII вв. н. э. сказывалось на керамике с линейным или волнистым орнаментом, изготовленной на гончарном круге, на многих формах оружия и украшений<sup>107</sup>. На земгальском городище Тервете найдены, в частности, привезенные из Древней Руси бронзовые крестики с эмалью и сердцевидные оковки поясов<sup>108</sup>. В Эстонии вещи восточнославянского типа — глиняные сосуды, разные предметы утвари, украшения и др. — обнаружены на многих поздних городищах, в частности в Кольвани (Таллине) — хозяйственном и культурном центре древнеэстонских племен X—XII вв.<sup>109</sup>

Нет также сомнения, что к концу I — началу II тысячелетия н. э. в процессе длительного и тесного хозяйственно-культурного взаимодействия летто-литовцев и ливо-эстонцев с их восточнославянскими соседями возникла та поразительная близость многих элементов материальной культуры всех этих народов, которая прослеживается по этнографическим данным гораздо более позднего времени. Яркими примерами таких общих элементов, известных всем или почти всем балтийским, прибалто-финским и восточнославянским народам по крайней мере с IX—XII вв. н. э. (а частично и еще раньше), являются двузубые пахотные орудия — сохи, специфические для населения северной половины Восточной Европы, некоторые виды борон (суковатка, плетенка с деревянными зубьями), серпы с зубчатым лезвием, полукосы-горбуши с изогнутой рукоятью, била (кичиги) и составные цепи для молотбы, срубные постройки из круглых бревен, крыши на самцах, печи-каменки, а вероятно, и сменившие их глинобитные «духовые» печи, паровые бани, хлеб из кислого ржаного теста, многие приемы и орудия ткачества, туникообразные рубахи с длинными рукавами, некоторые формы несшитой женской поясной одежды, холщевые длинные штаны с узким шагом, плетеные из лыка лапти, женские головные полотенца типа намитки и мн. др.<sup>110</sup> Конечно, далеко не все перечисленные элементы культуры специфичны для балтийских, прибалто-финских и восточнославянских народов. Одни из них известны на очень широкой территории, другие имеют гораздо более ограниченные ареалы бытования; одни представляют собой общие совместные достижения всех указанных народов, другие распространились среди них главным образом путем заимствования. Но устойчивое сочетание столь большого количества важных хозяйственных и культурно-бытовых особенностей не может быть случайностью: оно должно быть обусловлено длительным и глубоким взаимодействием балтийцев, прибалто-финнов и восточных славян, общностью их исторических судеб на протяжении длительного времени.

К концу I тысячелетия н. э. к востоку и югу от территории современной Советской Прибалтики складывается в процессе этнической консолидации восточнославянских племенных групп и развития у них феодальных отношений древнерусская народность, образовавшая мо-

<sup>106</sup> R. Volkaitė-Kulikauskene, *Senovės lietuvių moterų galvas danga ir jos papuošalai*, «Iš lietuvių kultūros istorijos», II, 1959, стр. 30—53; L. Nakaitė, *Senovės lietuvių sidabriniai papuošalai*, там же, стр. 54—71.

<sup>107</sup> «История Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 61—63.

<sup>108</sup> Э. П. Бривкалне, Указ. раб., стр. 272.

<sup>109</sup> С. А. Тараканова и О. В. Саадре, Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине, «Muistsed asulad ja linnused», Таллин, 1955, стр. 31—44.

<sup>110</sup> Фактические данные о перечисленных здесь элементах материальной культуры см. в работах, упомянутых в начале статьи (прим. 5—10 на стр. 97—98). Ср. также: Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», М., 1954, стр. 3—12; С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 3—17.

густественное Киевское государство, которое оказало огромное хозяйственно-культурное влияние на все народы Восточной Европы, в том числе и на формировавшиеся тогда прибалтийские народности — литовцев, латышей, ливов и эстонцев. Возникновение у этих народностей феодализма, подготовленное всем предыдущим ходом их социально-экономического развития, было, несомненно, ускорено тесным контактом с самым передовым для того времени восточноевропейским государством — Киевской Русью. Влияние ее — как и раньше влияние восточных славян — ощущалось в IX—XII вв. н. э. во всей Восточной Прибалтике, но наиболее интенсивным оно было, конечно, в ее восточных районах — у берегов Чудского и Псковского озер в Эстонии, в Латгалии и Аукштайтии (с Дзукией). Многие этнические группы, обитавшие на этой территории — «чудь-торма» древнерусских летописей (восточные эстонцы), «летигола» (латгалы), часть «литвы» (аукштайтов) — не только находились в тесном хозяйственно-культурном взаимодействии с древнерусской народностью, но и входили политически в состав северо-западных «земель» Киевского государства — Новгородско-Псковской и Полоцкой. Менее интенсивными — преимущественно торговыми, частично данническими — были связи Древней Руси с более удаленными этническими группами населения Восточной Прибалтики — северными («чудь-ерева» в районе Кольвани, отчасти «либь», т. е. ливы) и юго-западными («зимигола» — земгалы, «корсь» — курши, «жмудь» — жемайты) <sup>111</sup>.

Именно в связи с различными степенями и формами взаимодействия с древнерусской народностью в рассматриваемое время получили закрепление и дальнейшее развитие те три историко-этнографические подобласти Восточной Прибалтики, основы которых были заложены, как мы видели, гораздо раньше. При наличии во всех этих подобластях сильного древнерусского влияния для юго-восточной подобласти (Аукштайтия, Латгалия, частично эстонской «мааконд» Уганди) были характерны максимальные его степени, сопровождавшиеся нередко биологическим смещением с русским населением Полоцкой и Псковской земель (кривичским по происхождению) и процессам этнической ассимиляции различных направлений (поглощение русских групп народами Прибалтики и наоборот). В юго-западной подобласти (Жемайттия, Курземе, Земгале) русское влияние было главным образом «опосредованным» (через население предыдущей подобласти), но зато сохранялись живые связи с пруссами и поляками, а через них отчасти и с северо-восточными немцами. Последующие события — образование Литовского государства и немецкая агрессия в Прибалтике — усилили эти связи юго-западного и западного направлений. Для северной подобласти (большая часть Эстонии и север Видземе) было, наконец, типично как прямое, так и косвенное взаимодействие со смешанным славяно-финским населением обширной Новгородской земли, сочетавшееся с определенными связями с Финляндией, а частично и Скандинавией. Появление на севере Восточной Прибалтики датчан, а позднее и шведов, конечно, временно активизировало эти связи, хотя и не привело к прекращению мирных отношений с русскими.

Очень многие культурно-бытовые особенности населения трех указанных подобластей сложились в своей окончательной форме, зафиксированной данными этнографии, гораздо позднее IX—XII вв., уже после немецко-скандинавской агрессии в период развитого феодализма. Однако совершенно прав Х. А. Моора, когда он пишет: «Следы тех же основных племенных группировок и тех же культурных взаимосвязей сохранились также в этнографическом материале и фольклоре балтийских народов. Большинство элементов этнографического мате-

<sup>111</sup> А. Н. Насонов, «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951, стр. 69—116, 145—158, карты на стр. 80—81, 96—97 152—153.

риала имеет сравнительно поздний возраст. Тем не менее области распространения основных типов этнографического материала совпадают с территориями древних племен, а также диалектов. Это свидетельствует об исключительной устойчивости культурных традиций, переживших в некоторых случаях даже полное изменение этнического состава населения»<sup>112</sup>. И действительно, историко-этнографические подразделения Восточной Прибалтики, дожившие почти до наших дней, начали складываться в глубокой древности, когда не было еще ни одного современного народа — ни славянского, ни балтийского, ни прибалто-финского.

Положения эти полностью подтверждаются историко-этнографическим изучением у народов Советской Прибалтики характерных особенностей их сельскохозяйственных орудий, жилища, хозяйственных построек, пищи, утвари, одежды, обуви, головных уборов, украшений и других элементов материальной, а отчасти и духовной культуры, местные варианты которых в общих чертах распределяются по тем же трем древним подобластям — юго-восточной, юго-западной и северной, — свидетельствуя вместе с тем на материалах XVIII—XX вв. о тесном взаимодействии литовцев, латышей и эстонцев на всем протяжении их истории с восточнославянскими народами — русскими и белорусами — при наличии, конечно, известных связей и с другими соседями — финнами, скандинавами (преимущественно шведами), поляками и немцами. После вхождения в XVIII в. всей Восточной Прибалтики в состав России связи с восточнославянскими народами, никогда полностью не прекращавшиеся, стали снова расширяться и углубляться, играя все большую роль в социально-экономической и культурной истории литовцев, латышей и эстонцев<sup>113</sup>. В советский период связи эти, получившие новое содержание, продолжают прогрессивно развиваться, являясь могучим стимулом социалистического строительства в Прибалтийских республиках.

<sup>112</sup> Х. А. Моора, О древней территории расселения балтийских племен..., стр. 32.

<sup>113</sup> Конкретные материалы об историко-этнографических подобластях Советской Прибалтики и хозяйственно-культурных связях ее народов в свете данных этнографии приведены в работах, упомянутых выше в прим. 1, 5—11, 39, 110. Кроме того, см.: тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики: 1) пленарные заседания, 2) секция этнографии и антропологии», М., 1955; Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этнической истории народов Советской Прибалтики в свете новых этнографических и антропологических данных, «Изв. АН Эст. ССР», 1953, № 4, стр. 494—504; см. также передовую статью в настоящем номере журнала, стр. 3—20.